

Событие вроде бы ничем не примечательное: в народном театре-студии «Живая планета» минского ДК «Юность» шел спектакль «Володинские портреты». Спектакль, правда, не совсем обычный: составленный из прозаических и поэтических набросков Александра Володина, отрывков пьес драматурга. Показанный в репетиционной комнате, где артистов от зрителя не отделяет буквально ничего, и грозивший превратиться в литературно-музыкальную композицию, он все же был воспринят публикой как произведение драматического искусства. Для театра необычность ситуации подчеркивалась цифрой на афише: 100-й спектакль. И еще, конечно, составом публики: на юбилей постановки приехал сам Александр Моисеевич Володин — драматург, работавший с Г. Товстоноговым и О. Ефремовым, Н. Михалковым и Г. Данелия.

Мы встретились с А. М. Володиным на следующий день после спектакля.

— Александр Моисеевич, ваши пьесы ставят солидные академические театры, фильмы по вашим сценариям — «Пять вечеров», «Осенний марафон» — известны самой широкой публике. И все же нигде вы, наверное, так не популярны, как в театрах студийных, студенческих, самодельных. Чем вы объясняете такое внимание к себе со стороны людей, делающих первые шаги на театральной сцене?

— Очевидно, эта любовь взаимна. В солидных, устоявшихся театрах, конечно, есть какие-то очень хорошие актерские работы. Но есть там и такая ненужная актерская умелость, одинаково проявляющаяся во всех спектаклях. А между тем я вспоминаю давнюю постановку в минском ТЮЗе — театре, чье состояние было тогда очень далеко от «академического». И тем не менее тот спектакль по пьесе «С любимыми не расставайтесь» оказался лучше всего, что мне доводилось видеть на театральной сцене. С тех пор я многого жду именно от непрофессиональных театров. Они более естественны, непосредственны, по-хорошему наивны...

— Большинство героев ваших пьес решают личные проблемы, распутывают клубки

личных взаимоотношений. Скажите, пожалуйста, когда вы писали эти пьесы, вы действительно считали личностный уровень исследования жизни самым главным, или это была своего рода ниша, куда вы уходили от тотального контроля за творчеством?

— Тогда мне казалось, что я пишу, потому что это личное для меня. Как-то Булат Окуджава говорил: «Все, что мы пишем, мы пишем о себе». Я писал о людях, в которых вкладывал свою душу, примериваясь: а как бы я себя чувствовал на их месте. И мне кажется, что личные чувства и личные взаимоотношения очень многое решают в нашей жизни. Самоубийства ведь совершаются не из-за политических событий, не из-за того, что плохо устроена система, а из-за каких-то личных проблем. Политика меняется, условия жизни меняются, а душевная жизнь людей — любовь или отвращение к чему-то, вера в себя, неверие в себя, вера в то, что происходит или полное разочарование — вот это оказывается главным.

— Но ведь есть же у вас и социальные пьесы...

— Да, там я давал себе волю, там была политика. Понимаете, когда заранее знаешь,

Александр ВОЛОДИН:

Знамя юности - Минск - 1992. - 8 февр.

«САМОУБИЙСТВА СОВЕРШАЮТСЯ НЕ ИЗ-ЗА ПОЛИТИКИ...»

что пишешь «в стол», тогда хочется сказать и о системе, в которой мы жили. Но — вот парадокс — мои «чисто личные» пьесы казались чиновникам от культуры даже страшнее, чем какие-то осторожные политические намеки. К пьесам приклеивался ярлык «мелкотемья», «взгляда через замочную скважину», и все запрещалось на корню. Тогда «правильными» считались пьесы с обязательной системой действующих лиц: человеком, который ошибается, человеком, безупречным во всех отношениях, и секретарем райкома или обкома, который разрешает все противоречия, награждает хорошего, наказывает или перевоспитывает плохого... И если эта система нарушалась, если, скажем, герои «Пяти вечеров» получали счастье не из рук руководства или партии, а из своих собственных — это было для вершителей наших судеб самым отвратительным, ненужным, вредным.

— Дает ли сегодняшняя жизнь какой-то новый материал для драматургов?

— Ну, во всяком случае, что-то новое уже пишется. Мне нравится пьеса А. Гельмана «Скамейка», мне нравятся пьесы Л. Петрушевской. Сейчас появились молодые драматурги, которые пишут,

кстати, опять о личных переживаниях и взаимоотношениях. Все вокруг настолько неопределенно, настолько не внушает ясных чувств, что нужно возвращаться к личной жизни. Проблема «о чем писать?» сегодня стоит так же, как в дни моей молодости: в политике театр оказался несостоятельным, нужно говорить о человеке. За молодыми драматургами, которые понимают это, — будущее.

— Антрисы многих театров благодарны вам за большое количество женских ролей в ваших пьесах. Но ваши женщины — это не Мадонны, которым поклоняются, а известные всем нам соседки и сослуживцы со своими недостатками. Существует ли для вас идеальная женщина?

— Идеальных женщин, наверное, вообще нет. Они временно идеальны, а потом начинаешь замечать, что и в них не так, и другое. Но если любовь длительная и серьезная, то эти недостатки прощаются. А без недостатков я женщин, как и мужчин, не знаю. Я сам, к примеру, все время думаю о своих пороках.

— Психологи утверждают: для того, чтобы чувствовать себя комфортно в этом мире, нужно иметь друзей не только из своего поколения. Есть ли у вас друзья среди молодежи?

— Есть молодые люди, которых я очень люблю, но боюсь влезать в их жизнь, по-

скольку думаю, что им со мной будет скучно. Поэтому я держусь немного в стороне.

— А хотели бы вы что-то изменить в современной молодежи?

— Изменить невозможно. И потом, она такая разная. Часть молодежи стала гораздо умнее, чем мы были в ее годы, умнее даже, чем мы сейчас. Другие ударились в разгульную жизнь. Разные люди, и я не знаю, чего им пожелать. Жизнь сама как-то поможет им найти себя...

— В вашей пьесе «Две стрелы» говорится, что с тех пор, как люди стали делиться на более достойных и менее достойных, они начали надеяться на лучшее будущее. Сейчас иерархическая лестница становится все круче, но надежда на будущее, пожалуй, не прибавляется...

— Да, теперь действительно происходит что-то подобное написанному в «Двух стрелах»: разница в жизненном уровне становится все больше — есть преуспевающие в политике, в мире бизнеса, и есть люди, доживающие свой век в нищете. И надежды у многих довольно распыленные: может быть, когда-нибудь будет лучше, мы не доживем, так наши дети... Но у всех, у всего народа надежда исчезнуть не может. Я в этом уверен.

Беседовала
Марина КУНОВСКАЯ.